А.В. ЕФРЕМОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования МПГУ

А.М. ЧЕРНЫШ
кандидат философских наук, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования МПГУ*

Н.Я. Данилевский и русская историческая наука

В статье анализируются отношения представителей исторического сообщества России имперского и советского периодов к историософским идеям Н.Я. Данилевского, выдвинутым им в работе «Россия и Европа».

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, культурно-исторические типы, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.С. Соловьев, П.Н. Милуков, В.О. Ключевский, В.И. Ламанский, А.Е. Пресняков, М.Н. Покровский, Н.С. Трубецкой.

Efremov A.V., Chernysh A. N.Ya. Danilevsky and Russian historical science. The article analyzes the attitudes of representatives of the historical community of Russia during Imperial and Soviet periods to the historiographical ideas of N.Ya. Danilevsky put forward by him in his work "Russia and Europe".

Keywords: N.Ya. Danilevsky, cultural and historical types, K. Bestuzhev-Ryumin, V. Soloviev, P. Milyukov, V. Klyuchevsky, V. Lamansky, A. Presnyakov, M. Pokrovsky, N. Trubetsky.

XIX столетие по праву именуется «золотым» веком русской культуры. Мировое признание получили достижения России этого века в литературе, музыке, живописи. В то же время считалось, что в такой специфической области знания, как философия, главные успехи России хронологически связаны лишь с началом XX в. Так, например, американский историк М. Малиа утверждал, что каждая русская идея имеет предшественника и аналог на Западе.

Между тем в такой специфической области, как *историософия*, Россия в лице Николая Яковлевича Данилевского на полвека опередила западную мысль, создав новую оригинальную концепцию *философии истории*.

К сожалению, русское общество второй половины XIX в., которому мир виделся черно-белым наподобие шахматной доски, относило Н. Данилевского к категории «реакционных проправительственных идеологов», служивших, по выражению В. Соловьева, «фальшивым притязаниям национализма». Но если либералы в императорской России хотя бы пытались вести дискуссию, то в советское время Данилевского просто запретили: согласно словарям и справочникам того времени, его идеи «оправдывали великодержавно-шовинистические устремления царизма». Ко всему прочему, во времена борьбы с генетикой его причислили к противникам «мичуринской биологии». А так как интеллектуальных ресурсов для опровержения концепции Данилевского не хватало ни у либералов XIX в., ни у марксистов XX в., его предпочли «забыть», что дало повод В. В. Розанову отнести Данилевского к категории «литературных изгнанников».

Тем не менее исторические и историософские идеи, высказанные в трудах Данилевского, прежде всего в знаменитом трактате «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», не остались без внимания русских учёных-историков.

Напомним, что Н. Данилевский, рассматривая историю как специфическую область существования живой материи, применил к ее изучению методики естественных наук. Результатом стало отрицание им взгляда на историческое развитие как на единый непрерывный однолинейный процесс. По мнению учёного, история – это сумма развития дискретных природно-социальных наднациональных общностей, которые он назвал «культурно-исторические типы».

Замечательный отечественный историк К.Н. Бестужев-Рюмин был большим почитателем «России и Европы». Уже в первом томе «Русской истории» он дал высокую оценку историческим взглядам Данилевского¹.

В апреле 1888 г. знаменитый философ В.С. Соловьев начал публикацию серии статей, получивших позже общее название «Национальный вопрос в России». В них прежде всего подвергались критике взгляды Данилевского. Это обстоятельство придало обсуждению работ последнего острополемический характер.

В мае 1888 г. в «Русском вестнике» К.Н. Бестужев-Рюмин опубликовал статью «Теория культурно-исторических типов», которая в этом же году была напечатана в качестве послесловия к новому изданию «России и Европы». К чести ученого, он сумел отметить важнейшую компоненту в теории культурно-исторических типов: «Читателя нашего времени должно поразить то, что автор

* Ефремов Александр Валентинович, e-mail: dr.efrem-rubruck@yandex.ru; Черныш Алексей Михайлович, e-mail: alchernysh@yandex.ru

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872, с. 3-4.

далеко не чужд богословских вопросов, которые кажутся людям поверхностным столь далекими от действительности и, пожалуй, уже совершенно отжившими. Не такими они казались Данилевскому: он клал их в основу своей теории»².

В свою очередь, известный либеральный историк и социолог Н.И. Кареев в девятом номере «Русской мысли» за 1889 г. также высказался по поводу «России и Европы». В статье «Теория культурно-исторических типов. О «России и Европе» Данилевского» он писал: «Гегель, во имя единства «всемирного духа», ломает все исторические перегородки, Данилевский, во имя самобытности культурно-исторических типов, закупоривает все отдушины в этих перегородках»³. Очевидно, что упрек Данилевскому, который якобы «закупоривает все отдушины», является сильным преувеличением, о чем еще при жизни Кареева писал в редактируемых П.Н. Милюковым «Современных записках» либеральный исследователь М. Шварц⁴.

Знаменитый историк, лидер русского либерализма П.Н. Милюков, испытавший в молодости некоторое влияние Данилевского, довольно быстро перешёл в стан противников его идей. Уже в январе 1893 г. он выступил в Политехническом музее с публичной лекцией, которую вскоре опубликовал как статью в третьем номере «Вопросов философии и психологии» за 1893 г. под названием «Разложение славянофильства». По мнению Милюкова, в основе славянофильства лежали две идеи – идея национальности и идея всемирно-исторического предназначения России, что определило распад (разложение) славянофильства на два направления, где определяющей становилась одна из этих идей. Данилевского он относил к первому, а Соловьёва ко второму. В «России и Европе» Данилевского, утверждал Милюков, «впервые была сделана попытка подвести под воздушный замок славянофильства более или менее солидный научный фундамент»⁵. Но, по мнению Милюкова, сделать это не удалось, так как «совершенно реальное понятие народности превратилось в лаборатории Данилевского в метафизическое понятие культурно-исторического типа». По утверждению Милюкова, историософия Данилевского соединяет классическое славянофильство XIX в. с византизмом К.Н. Леонтьева. «Его “наука”, – писал Милюков, – одним концом соприкасается с метафизическим абсолютизмом старого славянофильства, а на другом – переходит в пессимистический фатализм Леонтьева»⁶.

В отличие от Милюкова, его учитель, великий русский историк В.О. Ключевский, отнесся к идеям автора «России и Европы» вполне благожелательно. По поводу статьи своего ученика, о которой мы упомянули выше, он записал в дневнике: «Разложение славянофильства – пахнет от разлагателя»⁷. А в готовившейся Ключевским рецензии на «Русскую историю» К.Н. Бестужева-Рюмина он вполне доброжелательно отметил: «Вместо разделения народов на исторические и неисторические, придуманного немцами, автор признает более научной правды за теорией г. Данилевского»⁸.

В речи на смерть В.О. Ключевского профессор И.А. Линниченко заявил, что покойный примыкает «более всего к теории Данилевского». Он же утверждал, что такие высказывания знаменитого историка, как «культура – цивилизация – степень выработки того или иного народа» или «по условиям своего земного бытия человеческая природа, как в отдельных лицах, так и в целых народах раскрывается не вся вдруг целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени», восходят к «России и Европе»⁹.

Крупный историк-славист В.И. Ламанский, брат петрашевца Е. Ламанского, как ученый и панславист по своим взглядам был очень близок Данилевскому. Недаром либеральные «Отечественные записки» опубликовали анонимную рецензию на вышедшие в 1871 г. книги Н. Данилевского и В. Ламанского, в которой иронизировали над «горстью рыцарей печального образа», которые «слынут под названием славянофилов» и которые «заслужили всеобщую славу каких-то юродивых»¹⁰.

С другой стороны, профессор Казанского университета М.П. Петровский в письме чешским друзьям сообщил: «Недавно вышла в свет книга Ламанского «Об изучении славянского мира на Западе» и книга Данилевского «Россия и Европа», в которых весьма хорошо изложены взгляды чисто русских людей на славянство»¹¹. Разделяя взгляды Данилевского, в том числе касающиеся будущего славянского мира, Ламанский, однако, был более пессимистичен, особенно в отношении ближайших перспектив. В письме слависту В.В. Макушеву он сообщал: «Сочинение Данилевского «Россия и

² Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995, с. 435.

³ Кареев Н.И. Собр. соч.: В 2т. СПб., 1912, т. 2, с. 4.

⁴ Шварц М. Данилевский и Шпенглер. Два типа культурной морфологии // Современные записки. Париж, 1926, т. XVIII, с. 437-456.

⁵ Милюков П.Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903, с. 270.

⁶ Там же, с. 288.

⁷ Ключевский В.О. Собр. соч.: В 9 т. М., 1980, т. VIII, с. 398.

⁸ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983, с. 156-157.

⁹ Цит. по: Балугев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999, с. 271.

¹⁰ «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского. «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» В.И. Ламанского. Рецензия // Отечественные записки, 1871, № 5, с. 73.

¹¹ Цит. по: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005, с. 587.

Европа» окончено. Вторая часть его состоит в проекте решения Восточного вопроса, образование Славянской Федерации с союзным городом Царьградом. Разумеется, до этого ещё очень далеко и, по-моему, гораздо дальше, чем думает Данилевский. Но об этом надо иногда говорить и не забывать никогда»¹².

Главный посыл «России и Европы» – отказ от европоцентризма – повлиял на некоторых будущих ученых. Так, двадцатилетний А.Е. Пресняков, будущий известный историк, отметил в дневнике: «Слава Богу, не для одного Данилевского европейская цивилизация не есть обязательная форма жизни человечества»¹³.

В 1918 г. вышла знаменитая книга О. Шпенглера «Закат Европы», вскоре переведённая на русский язык. Было очевидно, что культурологическая историософия немецкого мыслителя основывается на выводах Данилевского. Соответственно успех работы Шпенглера вызвал новую волну интереса к трудам Данилевского. Впрочем, в самой России этого поначалу не случилось. В 1922 г. в Москве был напечатан известный сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы», послуживший основанием для высылки из России десятков деятелей науки и культуры. В сборник вошли статьи Ф.А. Степуна, Л.С. Франка, Н.А. Бердяева и Я.М. Букшпана. В целом критически настроенные по отношению к Шпенглеру, авторы признавали огромное значение работы немецкого исследователя. Имя Н. Данилевского упоминается в сборнике дважды, причем достаточно уничижительно. Ф. Степун повторяет, только мягче, высказывание В. Соловьева о Рюккерт¹⁴ как предшественнике Данилевского, а Н. Бердяев, например, утверждал: «Культурно-исторические типы Данилевского очень походят на души культур Шпенглера, с той разницей, что Данилевский лишен огромного интуитивного дара Шпенглера»¹⁵.

В советской исторической науке Данилевский трактовался как идеолог «царского империализма и шовинизма». Уже первый официальный советский историк академик М.Н. Покровский «обнаружил» влияние политических и геополитических статей Данилевского на политику Александра III и К.П. Победоносцева¹⁶. Критически-уничижительное отношение к наследию Данилевского сохранялось на протяжении почти всего существования Советского Союза. Однако в научной литературе писали о Данилевском достаточно много, в основном в критических работах по «буржуазной» историографии.

В русской эмиграции отношение к автору «России и Европы» повторяло дореволюционную ситуацию. Большая часть эмиграции выступала с критикой идей Данилевского, повторяя критические высказывания В.С. Соловьева, например, Н.О. Лосский, В.Н. Ильин, Ю.П. Иваск. Последний написал довольно критическое предисловие к единственному эмигрантскому изданию «России и Европы» на русском языке, вышедшему в 1966 г. в Нью-Йорке.

Их оппоненты, напротив, пытались адаптировать наследие Данилевского к ситуации послереволюционной катастрофы. Совершенно очевидно, что Данилевский оказал колоссальное влияние на евразийство, о чем много писали как сами евразийцы, так и их критики¹⁷. Думаем, что влияние Данилевского на лидеров евразийства было не только содержательным, но и формальным. Например, название первой большой работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» прямо отсылает читателя к названию главного труда Данилевского.

Очевидным остается опосредованное (через евразийцев) влияние идей Данилевского на такого оригинального историка, как Л.Н. Гумилев. Активными пропагандистами наследия Данилевского на Западе были социолог П. Сорокин и филолог Р. Якобсон.

К великому сожалению, Данилевский не стал «пророком в своем Отечестве» и магистральные пути русской исторической науки прошли по большей части мимо его интеллектуального наследия.

И все же ретроспективный взгляд на российскую национальную историософию (славянофильскую и западническую) дает основание для отнесения и тех и других к мыслителям, посвятившим себя прежде всего служению России и ее народу. Об этом точно и справедливо написала новомученица мать Мария (Елизавета Скобцова): «...рассматривая многие противоречия позднейших русских мыслителей мнениям славянофилов, основная линия общего сходства довольно наглядно бросается в глаза: это выдвигание на первый план, в качестве исторического субъекта, самого русского народа. Этой общей линией могут быть объединены такие противоречивые мыслители, как Герцен и Соловьев, Достоевский и революционные народники, Бакунин и Данилевский и т.д.»¹⁸.

¹² ОР РГБ. Ф. 156. К. 5. Ед. хр. 76. Л. 12.

¹³ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005, с. 857.

¹⁴ Генрих Рюккерт (1823-1875) – немецкий историк.

¹⁵ Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922, с. 63.

¹⁶ См.: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923, с. 438.

¹⁷ См., например: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955.

¹⁸ Скобцова Е.Ю. К истокам // Современные записки. Париж, 1929, т. XXXVIII, с. 499.